БАЙКИ СТАРОГО ТЕЛЕМАСТЕРА
(из середины прошлого века)

Геннадий Гендин (Москва)

Сегодня едва ли не на каждом третьем уличном фонарном столбе среди множества других объявлений можно увидеть и такие: «Ремонт телевизоров всех систем», «Срочный ремонт телевизоров с выездом на дом», «Видеоаппаратура – ремонт с гарантией», «Сервисный центр по ремонту отечественных и зарубежных телевизоров» и целый ряд им подобных. Кроме того, в каждом городе наберется не менее десятка разных радиомастерских, где Ваш телевизор отремонтируют и быстро, и качественно, а в крупных мегаполисах вроде Москвы или Петербурга таких мастерских, ателье и сервисных центров не меньше, чем закусочных «Макдоналдс». Так что за то время, пока Вы будете есть свой чизбургер или Биг-Мак, в сервисном центре Вам успеют не только отремонтировать самый навороченный «самсунг-электроникс», но и выписать Вам счет, глядя на который, Вы не сразу сообразите, что это такое: сумма за ремонт или номер телефона сервисного центра.

Но так было далеко не всегда. На заре телевизионной эпохи, в конце сороковых – начале пятидесятых годов прошлого века в русско-советском языке не было даже таких слов: «Сервисный центр». Весь сервис для населения сводился к наличию в крупных городах мастерских по ремонту обуви, прачечных самообслуживания, мастерских «Металлоремонт – изготовление ключей – клепка и точка коньков», да еще в лучшем случае «Ремонт радиоприемников».

Что же касается телевидения...

* * *

Первый отечественный промышленный телевизор, выпускавшийся серийно и продававшийся в торговой сети, назывался «Т1-Москвич». Разработали и выпускали его, как тогда было принято говорить, в закрытом «почтовом ящике» – п/я 383 – оборонном предприятии, которому «в нагрузку» было поручено «...догнать и перегнать Америку», где к тому времени домашний телевизор уже перестал быть диковинной новинкой.

Московский телецентр (МТЦ), располагавшийся на Шаболовке, тогда только-только возобновил работу, прерванную на время Великой Отечественной войны, и вел опытные передачи еще на «довоенном» стандарте с четкостью не в 625, как сегодня, а в 343 строки. Было это всего два раза в неделю – по понедельникам и четвергам – и только с семи до одиннадцати вечера, а днем «гоняли» испытательную тест-таблицу для работы некоторых «закрытых» предприятий и заодно для мастеров гарантийного обслуживания этих самых «Москвичей-Т1».

Немного позже появился на свет второй послевоенный телевизор – «Т1-Ленинград», разработанный и выпускавшийся на ленинградском радиозаводе имени Козицкого. Однако настоящий телевизионный «бум» начался после разработки и массового производства действительно «народного» телевизора – КВН-49. Сегодня мало кто может объяснить, что означали эти три буквы. На самом деле это были первые буквы фамилий трех ленинградских инженеров – Клибсона, Владимирского и Николаева, создавших эту модель в ленинградском НИИ-380.

Это событие произошло в 1949 году, и, по существу, именно с этого года в СССР началось действительно массовое телевещание. К этому времени телецентр на Шаболовке перешел на новый стандарт телевещания в 625 строк, которого тогда еще не было нигде в мире. Даже в Америке вещание велось с четкостью в 525 строк, поэтому наше телевидение на какое-то время и вправду оказалось «...впереди планеты всей», как очень точно подметил Владимир Высоцкий.

* * *

Автору этих строк довелось начать свою телевизионную деятельность именно в это время: сначала в качестве рядового телетехника или радиомеханика, как в ту пору называли мастеров по ремонту телевизоров, а позже в качестве одного из разработчиков многочисленного семейства популярных телевизоров марки «Темп» – с первой до последней модели.

За все время работы на ниве ремонта и создания отечественных телевизоров у автора накопилось немало любопытных наблюдений – иногда смешных, иногда курьезных, порой почти трагических, которые теперь предлагаются нашим читателям под рубрикой «Байки старого телемастера». Первая такая байка называется

КВН, КОТОРЫЙ СИЛЬНО ГУДЕЛ (БАЙКА ПЕРВАЯ)

В ту пору я работал разъездным техником в телеателье. Это совсем не то же самое, что нынешняя служба телевизионного сервиса. На всю Москву и Московскую область существовала тогда одна-единственная мастерская, осуществлявшая ремонт телевизоров. Правда, называлась она очень солидно: Дирекция Мастерских Телевизионной Сети (ДМТС) и располагалась на первом этаже жилого дома номер 36 по Большой Серпуховской улице.

Было нас таких «корифеев» всего 15 человек – двое занимались стационарным ремонтом в мастерской, а остальная «чертова дюжина» осуществляла ремонт по вызовам на дому у владельцев телевизоров.

Правда, иногда ремонта приходилось ждать по 10...12 дней, а то и по месяцу, особенно если владелец телевизора жил за городом. Но зато существовало довольно строгое и постоянное распределение «зон обслуживания».

За мной, к примеру, была закреплена улица Горького от Манежа до площади Маяковского, включая все прилегающие улицы и переулки; кроме этого я должен был постоянно поддерживать в рабочем состоянии все телевизоры в зданиях Госрадиокомитета на Пушкинской площади (в Путинковском переулке рядом с нынешним кинотеатром «Россия») и в кабинетах московского Кремля. Это последнее обстоятельство впоследствии едва не послужило причиной моего ареста, но об этом будет особый рассказ.

Помимо престижного московского Бродвея, в сферу моей деятельности входила в виде нагрузки значительная часть столичной области вдоль Ярославской железной дороги. Изнутри, со стороны Москвы, она была обозначена границами Пушкинского района и самого города Пушкино со всеми прилегающими деревнями и поселками, а снаружи, т.е. с севера, – общей границей Московской и Ярославской областей. В этом массиве в то время было около трех тысяч официально зарегистрированных владельцев телевизоров, а сколько незарегистрированных – не знал никто, в том числе и я.

Официальная задача, которую перед нами ставило руководство Госрадиотреста, была значительно проще пареной репы и состояла в том, чтобы из вверенной нам вотчины в адрес руководства не поступало письменных жалоб. И все. Остальное должно было решаться по нашему разумению.

В этой ситуации уже после первого знакомства мы с клиентами становились если не родственниками, то уж во всяком случае – лучшими друзьями. Да и то сказать, кому же захочется целый месяц ждать техника по официальному вызову, если гораздо проще позвонить ему домой. Поэтому у каждого из нас очень скоро образовался «свой» круг постоянной клиентуры. А поскольку на первых порах телевизоры появлялись прежде всего у людей достаточно обеспеченных и долгое время оставались в некотором роде символом престижа, то и клиентуру нашу составляли так называемые «сливки общества».

Я уже сказал, что в сферу моего обслуживания входила большая часть улицы Горького с прилегающими улочками и переулками, поэтому в число «моей» клиентуры автоматически попали знаменитости, проживавшие на этой территории. Я до сих пор сохранил в качестве реликвии свою старенькую записную книжку, в которой записаны домашние адреса и телефоны таких «светил» – моих постоянных клиентов, – как Михаил Жаров, Борис Ливанов, Клавдия Шульженко, Изабелла Юрьева, Сергей Лемешев, главный дирижер Большого театра Юрий Файер, детский писатель Лев Кассиль, эстрадники Миров и Дарский, композитор Микаэл Таривердиев и еще многих других популярных деятелей литературы и искусства.

Отдельную записную книжку заполняли координаты моей постоянной загородной клиентуры, а открывала этот список фамилия начальника Управления внутренних дел подмосковного города Жуковский – назовем его условно Николаем Архангельским (Вам ведь все равно, как я его назову?).

Личность эта была, в общем, довольно заурядная и кроме высокой должности ничего интересного собой не представляла. Однако в силу именно занимаемой должности каждый раз, когда его КВНу требовалась моя помощь, он высылал за мной в Москву персональную милицейскую машину со спецсигналом, на которой его шофер подкарауливал меня у входа в ателье и независимо от обстоятельств увозил к своему начальнику. При этом никакие доводы о моей занятости во внимание не принимались, поскольку шофер искренне считал своего шефа вторым по значению человеком в стране после Сталина.

И только однажды этот порядок был нарушен, когда я заявил ему, что сначала мы поедем в Кремль починить телевизор лично у Сталина, а только после этого – к его шефу. Шофер ни за что не хотел поверить в это, но все же поехал к Кремлю, поставил свою «Победу» на стоянку служебных машин и издали наблюдал, как я со своим чемоданчиком проследовал в проходную у Спасских ворот.

Когда я через час вернулся, шофер смотрел на меня с немым благоговением, как на Христа.

– И Вы правда были у самого Сталина?! (Он с перепугу даже перешел на «Вы».)

– А что здесь особенного? – нарочито небрежным тоном ответил я. – Большинство членов Политбюро – мои постоянные клиенты, а твоего Архангельского я обслуживаю по долгу службы, как бы в нагрузку.

На самом деле «ларчик» открывался очень просто. За мной заодно с улицей Горького было закреплено обслуживание телевизоров на территории Кремля – их было порядка полусотни. А поскольку ломались они довольно часто, мне приходилось бывать в Кремле чуть ли не ежедневно.

* * *

– Ну и что на этот раз у вас случилось? – спросил я, расположившись на заднем сиденье. – Я же был у твоего шефа всего три дня назад.

– Этот паразитский ящик опять начал гудеть, а вчера перед вторым таймом футбола совсем замолчал.

Здесь нам придется временно прерваться, чтобы пояснить нынешним читателям, и в первую очередь – ремонтерам телевизоров, о чем идет речь. Первый массовый телевизор КВН представлял собой наипростейший приемник прямого усиления по схеме 4–V–2, был рассчитан на прием только одной программы, и в нем было «всего» 17 радиоламп. Это был в те годы тот нижний предел, дальше которого упростить схему телевизора было просто невозможно.

Никаких автоматических регулировок в схеме не было и в помине, поэтому на правой боковой стенке футляра за отдельной крышкой были выведены помимо четырех основных ручек (громкость, яркость, контрастность и фокусировка) аж восемь (!) вспомогательных органов управления. С их помощью по мере прогрева каждый раз приходилось вручную регулировать частоту строк и кадров, размер и центровку изображения по вертикали и горизонтали и т.п.

Так же примитивно была выполнена и схема радиоканала, а в качестве детектора ЧМ-сигнала звука использовался простейший дискриминатор, который удовлетворительно работал при абсолютно точной настройке на промежуточную частоту, но при самой малейшей расстройке начинал «гудеть» с ча-

стотой кадровых синхроимпульсов (50 Гц). Если расстройка оказывалась более значительной, то за этим гудением переставала быть слышна и сама звуковая передача.

Надо ли говорить, что почти каждая пятая заявка на ремонт КВНов была предельно лаконичной: «Гудит!». И хотя устранение этого недостатка сводилась к простому повороту на четверть оборота сердечника в контуре дискриминатора, не позже чем через неделю появлялась повторная заявка со словом «Гудит!».

У моего Архангельского этот дефект КВНа оказался не только врожденным, но и хроническим, поэтому я поворачивал сердечник в контуре его дискриминатора не менее пяти раз со дня приобретения зловредного ящика. Но на этот раз, со слов шофера, ящик замолчал совсем.

Сам Архангельский и его жена оказались дома, но на мое обычное приветствие и традиционный вопрос: «Ну и что у нас на этот раз?» повели себя явно необычно. Жена вдруг как-то странно захихикала и быстро вышла из комнаты на кухню. Сам Архангельский чувствовал себя явно смущенным, чего до этого мне за ним наблюдать не приходилось.

– А хрен его знает, чего с ним. Сперва орал, как свинья недорезанная, а потом вообще перестал и говорить, и показывать.

– Ладно, – сказал я, – посмотрим, чем он недоволен.

С этими словами я привычным жестом опрокинул телевизор на левый бок, достал из чемодана отвертку и начал отвинчивать восемь шурупов опломбированного металлического поддона, закрывавшего ящик снизу. Жена Николая тем временем перестала хихикать и следила из открытой двери кухни за моими манипуляциями.

То, что я увидел, сняв поддон, повергло меня в неописуемое состояние. За все время работы с телевизорами ничего подобного мне встречать не приходилось. Причина пропадания звука стала очевидной с первого взгляда: у динамика отвалился магнит. Такое иногда случалось и раньше, особенно при транспортировке телевизора. Но в этих случаях магнит падал на металлический поддон и «примагничивался» к нему намертво.

В нашем же случае магнит тоже примагнитился намертво, но не к поддону, а к... противоположной, задней внутренней стенке железного шасси. Каким образом ему удалось проделать этот почти полуметровый путь, оставалось непостижимым. Мало того, следуя этим маршрутом, магнит в прямом смысле начисто «сбрил» все до единой детали, оказавшиеся на его пути вместе со всей проводкой. И теперь жалкие останки этих искореженных деталей вместе с обрывками проводов сиротливо валялись в подвале шасси.

Наступила точная копия «немой сцены» из гоголевского «Ревизора».

– Да ладно уж, не морочь человеку голову, – сказала, возвращаясь в комнату, жена Николая. – Все равно же придется объяснить.

И она поведала следующую историю.

Накануне должны были транслировать футбольный матч, в связи с чем Николай вернулся домой загодя, в отличном расположении духа, в меру «поддатый» и с предвкушением предстоящего удовольствия. Вначале все шло как обычно, телевизор слегка гудел, но к этому обитатели дома уже привыкли. Однако из-за того, что этим вечером футбольный матч смотрели почти все обладатели телевизоров, напряжение в электросети города Жуковский упало с 220 В чуть ли не до 180, а поскольку никаких стабилизирующих устройств в телевизорах того времени еще не существовало, этот факт привел к существенному нарушению режима ламп, на что зловредный дискриминатор немедленно отреагировал адекватно и начал реветь во всю мочь.

Первый тайм Николай мужественно терпел и только все больше мрачнел, но когда начался второй тайм, терпение его лопнуло, он вскочил со стула и с криком «Да замолчишь же ты, наконец, гад ползучий!!!» выхватил из кобуры табельный ТТ и выстрелил ненавистному врагу прямо в лоб.

Назавтра шофер заехал за мной в мастерскую, мы приобрели все необходимые новые детали, я перемонтировал изуродованную часть внутренностей, среди которых, к несказанной радости Николая и его жены, оказался и зловредный контур дискриминатора. Что же касается установленного нового контура, то, как я полагаю, оставшиеся после штурма уцелевшие детали рассказали ему о печальной судьбе его предшественника, поэтому он на всем протяжении дальнейшей эксплуатации не посмел ни разу «гуднуть» даже шепотом. А эпизод этот так и остался навсегда нашей маленькой тайной.

Продолжение следует.